ному исследователю, но и ряду других историков-источниковедов. Однако в научном творчестве М. Д. Приселкова эти черты получили наиболее яркое выражение, и именно поэтому его работы вызывали столь решительные протесты сторонников иных исследовательских приемов.

Основной особенностью научного метода М. Д. Приселкова представляется нам разрушение своеобразной иллюзии «дуализма» исторического знания, очень широко распространенной в нашей науке. Все, что мы знаем о прошлом, мы знаем из источников. В применении к новой истории речь идет о множестве источников самых разнообразных типов, дающих богатую картину данной эпохи. Что же касается средневековой и древней истории, то здесь речь идет часто о пяти, трех, двух, а в некоторых случаях и об одном источнике. Однако большинство людей изучает историю не по источникам, а по связным историческим курсам, и у них (в том числе и у историков, когда они обращаются к исследовательской работе) сохраняется иллюзия исторического знания «вообще», лишь дополняемого теми или иными показаниями источников.

Мы знаем, что Иван IV был Грозным, что князь Курбский бежал от него, прислав к царю Василия Шибанова с укоризненным письмом, что Иван Сусанин заманил поляков в лес и погубил их и т. д. Но откуда мы это знаем? Сколькими и какими источниками это подтверждается? Об этом мы вспоминаем не часто. Многие ли, например, из говорящих и пишущих о подвиге Сусанина думают о том, что наше представление об этом подвиге основывается на единственном источнике — грамоте Михаила Федоровича зятю Сусанина Собинину и всецело зависит от той или иной оценки этого источника? Наши исторические знания кажутся нам обычно не суммой показаний, извлеченных из источников, а сплошным потоком «общеизвестных» и менее известных фактов. Древние греки прямо говорили о молве, «фэмэ», продолжающей жить после свершения события; современные люди сохраняют эту «фэмэ» в подсознании.

Именно в этом — корни споров, возникших вокруг работ М. Д. Приселкова о Киевской Руси. Исследователи, возмущавшиеся излишней смелостью гипотез М. Д. Приселкова, представляли дело так, как будто гипотезы эти противостояли какой-то связной, прочно установленной «почтенными учеными» истории этого периода. В действительности же речь идет о периоде, где источников ничтожно мало, иногда просто нет, и никакое решение, кроме гипотетического, невозможно. Еще раз напомним важнейшее положение, особенно подчеркнутое М. Д. Приселковым в его последней работе, но бывшее предпосылкой всех его построений по древнейшей истории Киевской Руси. Имеющаяся в нашем распоряжении древнейшая киевская летопись составлена в начале XII в.; лежащие в ее основе текущие погодные записи стали вестись только в 60-х годах XI в.;[19] до этого времени регулярно и систематически ведущегося летописания не существовало. Составитель «Повести временных лет» не только был отдален от истории X в. на два века, но, за исключением договоров с греками, не имел никаких письменных источников этого времени; он опирался здесь на устную, фольклорную традицию, которую он в основном не мог даже проверить. А к этому надо прибавить еще и тенденциозность летописца и его средневековое, художественно-легендарное отношение к прошлому. Не удивительно, что история Киевской Руси до середины XI в., столь связно и поэтично звучащая в общем курсе, изобилует загадками, «белыми пятнами». В конце X в. происходит «крещение Руси»; первый из-

[19] Ср.: М. Д. Приселков. 1) История русского летописания XI—XV вв., стр. 24; 2) Киевское государство второй половины X в. по византийским источникам, стр. 215.